

«ЛЮДИ В ОРЕНБУРГСКОМ КРАЕ ДОБРЫЕ, НАРОД СЫТЫЙ...»

Светлана Емельяновна Сорокина родилась в Казахстане. Окончила Ташкентский госпединститут иностранных языков. Преподавала в школах, работала в оренбургском экскурсионном бюро, в госархиве и музее истории города. Краевед, член Союза российских писателей. Автор нескольких книг по истории Оренбуржья. Лауреат региональных литературных премий им. П.И. Рычкова и С. Т. Аксакова. Награждена медалью «За вклад в наследие народов России», памятным знаком «К 300-летию П.И. Рычкова». Дипломант Национальной премии России. Заслуженный работник культуры г. Оренбурга. Член общероссийского общественно-го движения «Россия православная». Живёт в Оренбурге.

Автор предлагаемых «Записок», Вера Петровна Базилева (урождённая Евдокимова), – последняя владелица в четвёртом поколении старинного дворянского имения в сельце Гнездовка оренбургской округи. Записки охватывают длительный период времени: всю вторую половину XIX века и начало XX-го, почти до Октябрьской революции. Член Оренбургской учёной архивной комиссии, свидетельница дореформенного времени, то есть периода крепостного права, непосредственно вовлечённая в отношения землевладельцев с уже освобождёнными крестьянами, она пытается анализировать сложные процессы текущей общественной жизни.

Гнездовка, основанная Семёном Константиновичем Гнездовым, имевшим пять дочерей, принадлежала нескольким потомкам основателя: Евдокимовым, Соколовым,

Кутыевым, Ивасенко. Все они имели свои семейные усадьбы в разных концах села и мирно уживались в этом небольшом поместье. Ближайшими соседями гнездовцев были Тимашевы (по селу Никольскому) и Мансуровы (по Спасскому). Все они были представителями одного поколения, боевыми участниками Отечественной войны 1812 года и последующих заграничных походов, поэтому особенно ценны указания автора на неизвестные факты их биографий. Бросается в глаза пристрастность мемуаристки к личности Е.Н. Тимашева, видно, как она особенно упорно и многократно выгораживает его, явно не посвящённая в реальные мотивы его «благотворительности». С обидой, вполне оправданной, говорит она о постоянной агрессивности прессы в отношении дворян, умалчивании заслуг дворянства в первоначальном освоении пустынных новых земель, о заселении их хлеборобами, о возведении помещиками за свой счёт первых церквей края, о невоздаянии чести и памяти славным страницам прошлого.

«Записки» Базилевой представляют несомненный интерес сведениями о дворянах оренбургской округи, их взаимоотношениях между собой, об отношении помещиков к своим крепостным, о зарождении протестных выступлений

крестьян, неоднозначных последствиях крестьянской реформы для тех и других.

Не стану говорить в осуждение или защиту крепостного права, скажу только, если на это была воля Государей и освящена законом... При Государе Фёдоре Иоанновиче был издан указ закрепить крестьян за теми помещиками, на чьей земле указ их застанет, прекратить шатания от одного господина к другому, но это делалось с Юрьева дня. Тогда же сложилась пословица: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день».

Прошло 50 лет. От дня освобождения крестьян народилось и успело состариться новое поколение, в каждой деревне осталось три-пять (человек), их нужно спросить, как им жилось, — ответ такой: «Хорошему работающему человеку как тогда, так и теперь хорошо, а плохому и тогда, как и теперь, плохо». Действительно мне будет сказать в защиту помещиков, сколько и помню, жестоких поступков я не слыхала.

Ближайший сосед отца моего был генерал Егор Николаевич Тимашев. Бывая у него ребёнком в доме, я всегда слышала, как ласково обращается он с прислугой, своих камердинеров всегда звал Саша, Николаша или по фамилиям — Осетров. Потапов был хотя и пьяницей, и того звал Кирюшей.

За его счёт в Институте воспитывались Евгения Коржановская, Софья Павловна Соколова (потом вышла замуж за учителя Магницкого). В кадетском корпусе тоже учились за его счёт. И даже перед смертью он пишет духовное завещание, если воспитанница его Федосья Таллинская умрёт бездетной, то завещанные ей два дома в г. Уфе должны опекуны продать и на вырученный капитал воспитываться кадеты в Неплюевском кадетском корпусе. Вот теперь следует узнать у начальства Неплюевского корпуса, кто получил образование и знают ли они, что это (делалось — С. С.) за счёт генерал-майора Егора Николаевича Тимашева.

Е.Н. Тимашев был масон — дурно обращаться с крестьянами он не мог, а насколько он был добр и прост в обращении со всеми, можно судить по тому (случаю — С. С.). Собираясь в город, он говорит моему отцу, который был опекуном его имения: «Я буду в Никольском и, наверное, поеду в Гнездовку навестить Марию Семёновну (мать моего отца), что ей сказать от тебя»? Отец говорит: «Скажите, что я здоров». А так как любил пошутить, говорит: «Похвалитесь урожаем мака». У них уродился мак. И вот, когда Егор Николаевич приехал в Гнездовку, в разговоре, каков урожай хлеба того и другого, бабушка говорит: «Слава Богу». «А у меня, Мария Семёновна, урожай мака из годов всех». Бабушка руками всплеснула: «А у меня, батюшка,

совсем не уродился мак». «Я вам пришлю», — говорит Егор Николаевич. «Что вы! Петруша узнает и рассердится, избави Бог». «Но я так пришлю, что Петруша не узнает». «Разве уж так пришлите, чтоб Петруша не узнал». И когда отец об этом говорил, всегда смеялся: «Я сам приказал насыпать и привезти ей мак, а матушка была уверена, что он ничего не знает».

Можно себе представить, что генерал-майор Егор Николаевич Тимашев — наказной атаман Казачьего войска, о чём теперешние начальства не знают, и даже нет его портрета у них, а казаки Пречистенской станицы знают и даже уверяют, что у их старых казаков взял луга за шесть ведер вина, и эту басню всем рассказывают. Сам Егор Николаевич по своей доброте и дал им вино со своего завода, но никак не за эти луга. Эти луга продал его дед Иван Лаврентьевич в 1787 году 19 августа за 50 рублей... Василию Гавриловичу Соколову, а Егор Николаевич Тимашев был наказным атаманом в 1820 (?) — вот как люди смешивают правду с неправдой. Был предводителем дворянства, имел 20000 десятин земли, 3 тысячи душ крестьян, а едет навестить старушку, у которой всего-навсего родовой земли 500 десятин и душ 60 крестьян всего имения.

Один раз по делу я была у Александра Егоровича, его сына, и он спросил, давно ли я знаю Ташлу. «Как себя помню,

только Ташла и Гнездовка ближе стояли», — ответила я. Когда старший сын Егора Николаевича Николай Егорович женился на Надежде Афанасьевне Толмачёвой, то они вообразили, что у них будет 10 человек детей, и стали бояться, что отец их растратит имение и нечем будет им жить и воспитывать детей. Только при всём их желании у них не было ни одного ребёнка.

Как-то устроилось так, что Егор Николаевич должен был выехать из имения и передать своё имение сыновьям, а они назначили ему 6 тысяч в год на содержание. Сначала он жил в доме моего крёстного отца Фёдора Парфентьевича Исеева в деревне Григорьевке, потом поехал на Серные воды, а оттуда хотел приехать к нам в Гнездовку, где отец только что отстроил дом и ждал его, но он проехал через своё родовое имение село Никольское. От волнения и горя, что от своих имений должен ехать в чужое, заболел и просил сыновей позволить ему жить в Никольском, на что получил милостивое соизволение. В доме Егор Николаевич не жил, а жил во флигеле, где мы часто его навещали, и там я видела, как ласково он со всеми обращался. На первой неделе Великого поста прислали сказать, что он скончался. Меня взял отец, как поехал хоронить Егора Николаевича. В церкви был его сын Николай Егорович, его жена Надежда Афанасьевна и её брат

Павел Афанасьевич, и как плакал, все это заметили тогда, это, говорили, любимый камердинер Александр Потапов, женатый на горничной Толмачёвых, начал сильно тосковать и на первый день Святой Пасхи после обедни разговелся, взял ружьё, а жена говорит: «Саша, такой праздник, а ты идёшь на охоту». Он ответил: «Скучно, я только пройду». А через несколько времени пришли сказать, что он застрелился под церковью, где похоронен генерал-майор Егор Николаевич Тимашев. Отчего тосковал Потапов, или совесть его в чём упрекала, Бог его знает, только мне кажется, об дурных людях после их смерти не тоскуют и не стреляются.

В своём духовном завещании Егор Николаевич написал, чтобы выдали всей его прислуге денег. Духовное завещание оспорили, только выдали Таллинской долг, а прислуге не подумали выдать завещанные им деньги. Духовное завещание с комментариями прилагаю, черновое показание моего отца тоже, подлинное..., письма Александра Егоровича, где комар носа не подточит, а его отец так на него надеялся и говорил, что Александр ничего не знает. Его письмо, верно, было ответом на письмо (отца), который искренне был огорчён всем этим делом.

Из писем Егора Николаевича видно, как они были дружны. Отец рассказывал, (что) у него была лошадь очень горячая, и

Егор Николаевич просил отца не ездить на ней, а взять из его завода, какую желает. И вот, собираясь на охоту, Егор Николаевич просит именно с сего дня Петра Егоровича не ездить на этой лошади: «Я видел сон, что ты поскакал на ней, упал, и мы хотели тебе кровь пустить». Но отец по своему упрямству опять едет на ней. Лишь только показался заяц, он за ним, пришлось скакать по пашне, лошадь споткнулась, отец через голову её и опять на ноги, повод не упустил и торопится сесть, в это время скачет Егор Николаевич. «Что с тобой?» «Да ничего, — говорит отец, — упал и зайца упустил... жаль, что я не вспомнил о сне, я бы притворился, чтобы (посмотреть), что вы станете со мной делать».

Как мог Егор Николаевич после своего миллионного состояния жить на шесть тысяч рублей в год? И как видно, так нуждался, что у своей воспитанницы занимал деньги, расписку прилагаю.

Вдова казачьего офицера Б. из Пречистенки просила дать что-нибудь, потому что сыновья Михаил, офицер, и Сергей... не могут её кормить, а жила она с дочерью, которую по бедности отдала за казака, и говорила, бывало, что приедет генерал Тимашев и даст ей 10 рублей... а теперь некому ей дать. Я посоветовала ей подать прошение, и ей

дали 200 десятин земли. Как видим, везде Тимашев, и все вспоминают его с благодарностью.

Когда я стала старше, сказала отцу, (что), может быть, Егор Николаевич мог потратить, на это отец ответил, что никогда этого не могло быть, если он принимал и угощал всех, что всё у него было своё: свой завод, свои наливки, а вот они, которые пьют по семь рублей за бутылку, скорей проживут.

И вот настало время послать его портрет и бумаги в Москву, как участника и воина. Кто позаботится? Я видела его миниатюрный портрет: на одной стороне в казачьем, а на другой, кажется, гусарском (мундире). Но где их найти и кто будет искать?

При этом прилагаю:

1. Копию духовного завещания, совершенно правильную, но его сыновьями оспоренную.

2. Комментарии на духовную его сына Н.Е. Тимашева.

3. Два листочка, написанных мне отцом, — черновое по делу генерала Егора Николаевича Тимашева.

4. Бумаги, данные из Оренбургской палаты 11 ноября 1859 г.

5. Четыре письма Е.Н. Тимашева, расписки Таллинской.

6. Три письма от Николая Егоровича отцу моему.

7. Объявление о продаже земли от Н.Е. Тимашева по долгу.

Другой сосед отца, Фёдор Порфирьевич Исеев, (уездный) дворянский предводитель, отличался весёлым нравом и хлебосольством, а его супруга Анна Андреевна учила своих горничных грамоте, о чём может засвидетельствовать её горничная Софья Васильевна. Ещё и теперь живёт. Ни о каких зверских поступках гг. Исеевых я не слышала. Земли было много, а людей мало, потому, вероятно, их берегли. И люди в Оренбургском крае... добрые, народ сытый, с мякиной хлеб не едят, как пишут в других губерниях.

Ближайший сосед отца Косьма Саввич Ивасенко женат на двоюродной сестре отца Марии Алексеевны, княжне Кутыевой; получивший за ней 68 десятин земли и несколько семей дворовых людей; был кроткий человек, так и сказал (о нём) священник нашей Михаило-Архангельской церкви в надгробном слове. Очень хорошо сказал, просила у священника, не даст ли что списать и сохранить на память.

Подполковник Петр Егорович Евдокимов родился в 1795 году, в 1808 вступил на службу в Уфимский пехотный полк, то есть в 13 лет, а в 1809 он был уже в походе в селе Австрийской Галиции. И так всё время в походах и сражениях: 5 августа 1812 под городом Смоленском был ранен в правую ланитную кость, и пуля осталась не вынутой в левой челюсти. На правой стороне

также осталась ямка, которую я всегда трогала, а под левой челюстью пуля, которую в 1860 советовали вырезать, когда отец скончался, но я не согласилась. Если отец сам не хотел её вынуть, то как решиться потревожить прах, и к чему, чтоб дети играли ею, а потом бросили. Отец велел похоронить его в той сорочке, в которой был ранен, когда проливал кровь за Веру, за Царя и Отечество. И уже 26 августа под Бородиным опять сражался, и так всё время в России и за границей до взятия Парижа, как то видно в формуляре.

1. Указ об отставке моего отца подполковника П.Е. Евдокимова.

2. Духовное завещание его сестры полковницы М.Е. Кочкиной, расходные книги отца 1842—1851, 1852, 1860 до 1 июня, а после 1860 он скончался.

3. Бумаги гг. Тимашевых.

4. Два вида Константиновки в одной версте от города Уфы.

5. 16 узоров по канве из французских журналов 1860 и 1861 (по-французски). Старинный узор картины, с которой вышивала моя тётка Анна Егоровна Грязнова; ещё узоры из журнала (фр.)... французские картинки и портреты (фр.), три модные картинки 1859 из журнала (фр.), ...которые отец выписывал для меня, ...из журнала «Модный свет», ...фотографические карточки подполковника П.Е. Евдокимова, председателя комитета

по составлению нового положения для крестьян в 1858 году в г. Уфе, и члена Учёной архивной комиссии Веры Петровны Базилевой.

Из указа об отставке: сначала он выходил в отставку в 1816 г. штабс-капитаном, но уже с пансионом и мундиром, вероятно, за рану, но в 1818 опять поступил на службу. На службе он получил пансион, а когда полковником вышел в отставку, ему оставили тот же, что получал штабс-капитаном. Вероятно, по молитвам матери Бог сохранил ему жизнь, всё-таки он всегда страдал головными болями и каждый год ставил пиявки.

Отец рассказывал, что, когда он жил в селе, ризница так была убога, что священник служил чуть не в пестрядинных ризах; и вот он за своё скудное в то время жалование выписал парчовое облачение, и, когда священник служил в нём, это для него и прихожан было настоящим праздником, и когда отец уезжал оттуда, то каждый крестьянин просил непременно зайти к нему в хату откусать хлеба-соли. Во время походов, как видим, когда... он говорил о... сражениях: «Продавали булки, я занял у одного солдата 2 коп., а после сражения я искал его между ранеными и убитыми и не нашёл, и имя его всегда подаю за упокой его души».

Отец и его двоюродный и любимый брат Лев Васильевич

Соколов были ранены, вероятно, в одном сражении, и, когда несли Соколова, его увидел Государь, спросил и приказал записать, если у Соколова будет первый сын, то будет учиться на казённый счёт, а если дочь, то в Патриотическом институте. Соколов женился на княжне Анне Александровне Путятиной, у них родилась дочь Екатерина, воспитывалась в Патриотическом институте и вышла замуж за Владимира Ивановича Даля, который писал рассказы под именем Казака Луганского. Письмо Анны Александровны очень доброе, милая старушка приехала сюда и жила у дочери Любови Львовны Соболевой и Екатерины Львовны Даль.

Когда отец вышел в отставку и приехал домой, то увидел, что на крошечном хуторе Гнездовки ему нечего делать. В 1833 году он был назначен от дворянства опекуном в имение генерал-майора Е.Н. Тимашева. До 1839 г., как он сам пишет вчерне, а потом до 1845 г. заведовал его имением по расположению, когда опять дворянство назначило его опекуном Белорецких заводов гг. Пашковых, где он застал полное разорение: крестьянам за несколько лет не выдавалась задельная плата; руда, дрова не были заготовлены, и ему три года пришлось работать без жалования и так нуждаться, что пришлось занимать деньги у доктора Виталия Александровича Гаутанского, а муку и крупу все везли

из Гнездовки осенью, а также и собак для охоты; дома оставляли за старостью одну Барфу, которую мать везла в санях, а сосед Косьма Саввич Ивасенко верхом, и когда нападал на след (?) зайца, то спускал Барфу, и она ловила зайца к полному удовольствию Ивасенко. Мать зайцев не ела и на охоту выезжала, чтоб доставить удовольствие старику.

Когда отец приезжал с завода зимой, то каждый день в половине 12 запрягалась лошадь, и я ехала за Косьмой Саввичем обедать. Он в это время сидел у окна, с большой трубкой, в шапке и аргаке. В комнату я не входила. После обеда я опять ехала его провожать, а в 4 часа опять ехала за ним пить чай и поговорить или играть с матерью и карликом Борисом Ивановичем в преферанс. В 9 часов Ивасенко отвозили, но я уже не провожала его. И это каждую зиму так они проводили своё время, а летом приходил только по праздникам, в будни работал в поле. Он был старше моего отца на 12 лет, служил на военной службе, и когда начались нововведения и требовались от офицеров знания, то приехал генерал-лейтенант, собрал их и начал говорить, что они должны выучить всё (?), да Ивасенко, как старший, сказал: «Нам уже, Ваше Превосходительство, учиться поздно». И все закричали: «Поздно, поздно». Ну и вышел в отставку, да

и было пора; имел пряжку за 40 лет и Георгия беспорочной службы. А когда жена посылала его служить, он говорил: «Я послужил, ты теперь иди послужи, а я буду, как кошечка, валяться на перинке». Не любил казаков и говорил, когда Бог приказал приходить за совестью, казак спросил: «Что такое совесть?» «Это, — сказал Господь, — когда ты вздумаешь украсть или сделать, что дурно, совесть будет укорять тебя». Казак видит, что это ему невыгодно. Все пошли за совестью, а казак делает шаг — и назад, и так пришёл после всех. Бог всю совесть раздал и говорит казаку: «Будь ты, казак, без совести». Так и остался казак без совести.

Когда у него выросла единственная дочь Любовь, как только кто из казачьих офицеров подъедет к окну, он сейчас же говорит: «Нет тут, брат, ничего, ступай наверх». Это значит к отцу во двор. Свою дочь он отдал за учителя кадетского корпуса Николая Андреевича Фёдорова. (Она) скончалась 16 октября 1909 года. С 1852 года отец и Ивасенко начали хворать.

Отец выдал меня замуж и сейчас же послал мужа с бумагами в Уфу совершать купчую крепость на его родовое имение село Гнездовку, 500 десятин земли и 92 души крестьян. Это уже после тимашевского дела. На остальную землю написал духовную в день своего Ангела. Слишком

любил меня дорогой отец, чтобы память о нём изгладилась из моего сердца, и своих детей я учила любить и уважать его — таких людей мало на свете. Недаром он торопился меня устроить. 1 июня 1860 года его не стало. Косьма Саввич, когда прощался с ним, сказал: «Прощай, друг Пётр Егорович, до свидания, я скоро за тобой пойду». Когда пришёл домой, лёг на свою кушетку, отвернулся к стене и ни с кем не говорил. Его дочь Любовь Косьминична позвала священника, причастили его, пособоровали, и 10 июня он скончался, как и сказал, что приду.

Старшая сестра отца Мария Егоровна замужем была за полковником Николаем Васильевичем Кочкиным, который был здесь воинским начальником. Тётка выходила замуж пятнадцати лет, с мужем жила пятнадцать лет, вдовела пятнадцать лет. Родилась в 1791 году, скончалась в 1838 году 26 августа. Её муж скончался 22 августа 1823 года. Оба похоронены рядом на здешнем оренбургском кладбище. Бездетная, она оставила отцу столько бриллиантов из царского кабинета, жалованных её мужу, что отец, когда продал их и разделил с сестрой Анной Егоровной Грязновой, мог купить у Егора Николаевича Тимашева 2500 десятин земли, а в Московской губернии у Глебова-Стрешнева несколько душ крестьян. Там они (крестьяне) всё продали в свою пользу, а сюда он привёз

их за свой счёт, выстроил им избы, каждому хозяину дал лошадь, корову, несколько овец, а в дома — ложки, чашки, ухваты. Весь лес покупал, из своего покупного не рубил, а берёт с 1840 до 1860 года. Также и я с 1860 до 1906 всё покупала, а милые крестьяне вырубали, как сами определили, на 85 тыс. рублей. Из купленных крестьян были проданы на платёж оброка; жать и косить не умели; мы, говорили, фабричные. Тогда отец купил станки и думал, что они могут прясть хлопок, и тут ни зуб толкнуть, пришлось их учить; на жатву и покос ставили гнездовского. И нового вообще в них не было счастья. Пришли они к такому году, когда было поветрие, возвратные горячки, приезжал доктор Александрійский, жил фельдшер Пражик, была помощница Алёнушка, моя сказочница. Ну что сделаешь с таким народом?! Мне сказывала одна женщина: «Дадут порошки, а воды в доме нет, пойду на Чебеньку, пушу порошки да ложкой и хлебаю». Много их померло. И хотя опять переселили их из Гнездовки, надел мне пришлось давать на 59 душ. Когда я поехала в Москву, одна женщина, служащая у меня, просила взять её повидаться с сёстрами, откуда она ушла в 1842 году и теперь, в 1877 году, к разговенью нашла всех... 29 июня, и они её угощали ржаными ватрушками и говорили: «Скажи всем нашим, чтоб берегли до Рождества, потом покупаете

ржаной, а у нас ржаной хлеб никто и печь уже не умеет, все едят пшеничный, а кто не поленится и выметет, то что твоя крупчатка. Сюда уже никто не поедет».

Мария Егоровна оставила отцу ещё капитал в семь тысяч рублей серебром и сказала: «Если Бог благословит твои дела, то выстрой церковь во имя Михаила Архангела, наш престольный праздник». Отец на заводе жил до 1855 года, все долги уплатил, требовал, чтобы крестьяне брали каждую неделю свою недельную плату, оставил завод в полном ходу и в кассе 150 тысяч рублей серебром, а когда я в 1861 году приехала — Верхнеуральские заводы опять были в опеке. Пашкова просила отца остаться управлять заводами, как он управлял у Тимашева, но он отказался, говорит: «Дворянству я могу служить, а своему брату дворянину не могу». Они обозлились и сказали, что он перебрал 5 % лишнее, как будто можно взять лишнее, когда все доходы и расходы проверяются Опекой, Контрольной палатой, Горным управлением, и тогда уже выдаются 5 %, не с валового дохода, с чистой прибыли, потому-то отец служил три года без жалованья, что всё уходило на завод. Когда (отец) приехал с завода строить деревянный храм во имя Михаила Архангела, лес валили чуженаймом, своих крестьян не посылали на Белую, где покупался лес. Столько его везли, что осталось на избу, и ещё

выстроил четыре избы гнездовским крестьянам; не помню, одна изба сгорела от плохой трубы или все четыре. Утварь в церкви вся серебряная, сделал девять облачений для священника и диакона, положил 7 600 рублей непрерывно-доходными билетами на вечные времена, проценты с которых идут священнику 230 рублей, двум псаломщикам по 60 рублей, но... одного псаломщика упразднили, и мы, прихожане, очень горюем, зачем нарушили волю моего отца, зачем оставили нас без диакона. Капитал, вероятно, тот, который завещала ему сестра Мария Егоровна Кочкина; крестьянам же он сделал то благодеяние, что они не платили причту ни жалованья, ни руги, как делается в других приходах, где крестьяне или казаки строят сами церковь, и то вечные счёты и неплатежи, а тут священник 1 мая и 1 ноября как... идёт в казначейство, получает проценты. Когда к нам был прислан новый дьякон Алексей Унгвицкий, он начал учить мальчиков грамоте и пел в церкви так хорошо, я говорила отцу: «Велите диакону учить детей в сторожке». На это отец мне сказал: «Учить детей, неужели ты думаешь, что они научатся и будут читать жития святых, Евангелие и Библию? Ни за что на свете! Они будут читать «Еруслана Лазаревича», «Бову Королевича», а когда будут выписывать газеты, то у нас будет такая же революция, как во Франции». Это говорил отец

в 50-х годах, потому что отстроенный им храм в 1856 году был освящён. Теперь судите, оправдались его слова или нет. Я, по крайней мере, от газет потерпела в 1906 году. После Манифеста... в 1905 году крестьяне деревни Егоровки, 6 человек, заехали в мой заповедный лес, и Степан Владимирович Иванов кричит: «Руби базилевский лес, ничего нам не будет. Царь велел рубить лес, травить луга и хлеб, ничего не будет, я все законы знаю и газеты получаю». ...Мои арендаторы-немцы ни одного прута не рубили. О неблагодарности... и отец говорил. ...Крестьянин должен был работать на помещика по 5 дней (в неделю). Когда он своим трудом составил себе состояние, он начал делать крестьянам разные послабления и вот говорит: «Я заставлял их работать два дня в неделю, говорят: трудно; я позволил работать для меня полтора дня в неделю, то есть на одной неделе два дня, на другой неделе один день. Но если бы я велел совсем не работать, то крестьянин сказал бы: найми мне, барин, работника». Что крестьяне и доказали. Теперь их освободили..., дали, как, например, у меня, по семь десятин на душу. Теперь крестьянин не платит ни подушных, ни за надел земли, но при первом урожае потребует, чтобы Государь его кормил.

Перед 19 февраля этого года наш священник в церкви приказывает 19 февраля всем явиться

в церковь, чтобы помолиться Богу за дарованную свободу, — в церкви было человек десять. Мой отец говорил, когда был опекуном тимашевского имения: «Был неурожайный год, крестьянам выдавали хлеб»... Настала уборка хлеба, отец приказал вывезти хлеба и крупы на каждую десятину, чтобы рабочие могли сварить горячий обед. После обеда отец выехал посмотреть на работу, объехал все десятины, где работали русские, и поехал к магометанам, и вдруг видит, что они бросили работу, бегут к отцу, окружили, кланяются и говорят: «Спасибо..., что прислал на обед, хорошо, спасибо тебе». Отца порадовала такая благодарность... Отец не ожидал благодарности, а сделал то, что считал нужным.

Татары деревни Томгачи были даны в приданое матери Егора Николаевича (Тимашева), Федосье Петровне, урождённой Тевкелевой из Уфимской губернии, похищение которой Н.И. Тимашевым описано в «Семейной хронике» Аксакова. Казанский купец Курмангалай Кушев выкупил татар, говоря, что нехорошо магометанам быть под властью христиан. Мой отец так даже говорил, что следовало их выкупить с землёй. Купец выкупил татар из Томгачей у А.Е. Тимашева. Бывший министр внутренних дел Тимашев не хотел продавать. Я не знаю, как было дело; то следовало Кушеву купить им землю у башкир,

которая тогда продавалась за грош, ...то они в числе прочих крестьян получили бы надел земли, ...но кто же знал, что воля и земля так близки. Кушев хотел сделать доброе дело.

Теперь чествуют и пишут о тех, что писали о бедствиях крестьян, и (о тех), кто, получая деньги с крестьян, проживали их за границей, а о таких тружениках, как мой отец, никто не скажет. Он купил крестьян, устроил их и ещё 10 лет платил за них подушные, а также и за гнездовских, всего 182 души с дворовыми, из своего скудного пенсiona, и мы уже с матерью просили его не платить, когда стало известно, что крестьяне выходят на волю. Отец был председателем комитета в Уфе при составлении нового положения по освобождению крестьян, и, когда я вышла замуж, он говорил моему мужу, что обо всём говорили, но о хлебных магазинах позабыли, положили б хлеб на ..., семенами на нашей земле хранилось в наших амбарах. Ну, всё-таки считается мировой, и что с ним делать, не знаю. У него всё — о расходах хлеба, денег — писалось в маленьких тетрадках, и вот он продаёт одну тысячу пудов ржи и вносит за крестьян подушные... Всё было им записано, только теперь не найду. А его расходы хлеба (мука, овёс) за несколько лет каждый месяц отправлялись Александру Павловичу Грязнову, мужу его племянницы от двоюродной сестры

и Косьмы Саввича Ивасенко... Генерал-майор Егор Николаевич Тимашев ни одного бедного не отпустил без пособия, ...так что его внук, читая его расходные книги, сказал: «Как видно, дед плохой был хозяин». Внук забыл, что в Евангелии сказано: «Собирайте сокровища ваши на небеси, где ни моль, ни тля, ни вор не подкапывают и не крадут». Так и отец делал. Характера он был вспыльчивого. Является крестьянин просить хлеба, а отец закричит: «Вон, вон» — и ногами затопает. Я сначала боялась этого, ...а стала старше, вечером приду в кабинет, когда у него конторщик, гляжу через плечо и вижу — пишет: «Тому дать, другому столько». Я скажу: «К чему же утром было столько шума, а теперь приказываете выдать всем, кто просил?» Отец только улыбается в усы. Одна девушка, Татьяна Павловна, жила с женатым человеком. Отец приказал ей выйти за вдовца Григория Никифорова, но она отказалась: «Не пойду за глухого чёрта». Тогда ей отрезали косу, посадили в чулан, и всё-таки не пошла. Только очень горькая участь ей была. Её брата по суду за кражу посадили в острог. Как вышел на волю, крестьяне приняли его, но он, уже обросший семьёй, жил в городе, а Татьяна вырастила его сыновей, но ни один из них не стал её держать, и она приходила к нам то за одним, то за другим, а её красавец Ларион овдовел и всё-таки не взял её.

Глухой же чёрт женился, взял с ребёнком, вырастил его и всё хозяйство оставил жене и сыну, и теперь сын живёт небедно.

Когда отец построил храм во имя Михаила Архангела, то он увидел, что много женихов и невест, и назначил 16 свадеб, но они сами разбирались по-своему. Одну девушку (отец) назначил в деревню Егоровку, она не желала, и её с маленьким ребёнком взяла сватья. Она не хотела (венчаться), но священник ей сказал: «Если бы у тебя не было ребёнка, я бы не стал тебя венчать, но теперь тебе нечего говорить». Потом она говорила, что не хотела идти, потому что ничего у них не было, а когда барин дал им лошадь, корову и овец, они стали хозяевами, и человек был хороший. Третий случай: девушка из богатой семьи понравилась каменщику, и он хотел её откупить, но тут отец упёрся. Просили её родные, просила мать родная, даже я осмелилась, потому что девушка, хоть старше (меня), была моя приятельница, но отец сказал: «Если я отдам её на сторону, то где возьму (невест) для своих женихов?» И назначил её за бедного, мол, тёща натаскает ему всего и будут жить небедно. Других принудительных браков у нас не было.

Для меня новое положение как-то прошло незаметно. Я была замужем, жили мы в Верхнеуральске, где муж служил попечителем Второго попечительства башкирского, и у нас уже

повар и лакеи были наёмные, только кучер, сын Глафиры-киргизки, и горничная из Гнездовки. Мы были в церкви, когда читали Манифест о воле. Конечно, я не поняла ни слова. Когда приехала в деревню, начали выдавать увольнительные листы дворовым. Чиновники ошиблись в расчёте, что у них будет прислуга. Все наши дворовые начали самовольничать. Мастеровых у отца не было, а всех заставили работать. Общей заст... (?) не было, а на каждого человека выдалась месячная, начиная с шестимесячного ребёнка, которому давалось 20 фунтов проса, которые мать должна была толочь, обдирок тогда не было, а старым людям выдали хлеб до смерти, и никто не ходил собирать милостыню, исключая одной женщины, Василисы Панкратьевны, которую сколько ни стыдили, не унималась, говоря, что собирает лён на нитки. Она ещё замечательна тем, что, когда уже была старостихой деревни Егоровки, отколотила попа, кажется, Павлова, который свидетельствовал против генерала Егора Николаевича Тимашева... Её муж выкупил два надела, которые оставил двум внукам, и много скотины.

Мне как-то попался список, сколько у наших дворовых было коров и овец на господском корму, только лошадей не позволил (отец) держать со своими вместе, а потому у каждого семейства были отдельные дворы и погребя,

где они держали молоко и другие припасы. На каждое семейство давался осьминник пшеницы, которую они сами убирали. Знали всю работу, имели скотину, им только понадобилось купить дома и начать хозяйствовать. Многие умели сапоги шить, печи класть. И вот сыновья киргизки Глафиры Антоний, Амвросий, Мелентий, Александр, Лазарь и она во главе берут у господ Тимашевых 500 десятин безводной земли, примыкавшей к моему... озеру, и ещё другие семейства. Когда господа Тимашевы сдавали им земли, там же был и мой муж. Тимашевы говорят: «Землю мы вам дали, а о воде договаривайтесь сами с Базилевыми». Конечно, нужно было тогда же писать условия, но так прошло. Один раз муж рассердился на них, написал прошение, но я не стала подписывать, не хотелось делать г. Тимашевым неприятность, заставляя лежать 500 десятин даром, и вот теперь расплачиваюсь за моё добро. И теперь должна судиться, когда г. Тимашев стал продавать землю и меня вызвали с документами. Их управляющий говорит члену Банка г. ЧернолуССкому: «Мы продаём землю, но у нас эти 500 десятин безводные». И когда один из арендаторов спросил, как же они жили на чужой воде, г. Мертенс ответил, что они за воду и огороды ему не платили, а если Базилева их не тревожила, то это значит, что она не любит судиться. Я говорю,

что заработала Тимашевым своим молчанием 15 тысяч рублей. «Нет, — говорит Мертенс, — не пятнадцать, а двадцать тысяч». Хотя я заявляла в Банк, чтобы они не селили к моему озеру и лугам, а они ещё режут им земли на отруба... Мужики говорят: «Ничаво она с казной не сделает». Где же взять суд скорый и правый? ...Шесть месяцев моё дело не разбирается, когда и сама подавала на крестьян, истратив 40 рублей на марки. Я просила не торопиться, зная, что землю Банк от крестьян отберёт. Её у меня 30 десятин. «Нет, — говорит, — не 30, а десятин 20 есть, ведь вам Тимашев дал 30 десятин, чтоб половину озера ему дали». «Не хочу, — говорю, — от Тимашева не 30 и не 3 десятины, а хочу своё, чужого не беру и своё не дам. Вот что суд скажет».

Теперь узнайте, кто церкви строил. Не эти ли плохие помещики?

В Ташле, конечно, Иван Лаврентьевич Тимашев, как основатель имения. В селе Никольском — он же, по обещанию построить церковь во имя того святого, с чьим именем останется у него в живых сын Николай. И в честь святителя и чудотворца Николая он строит церковь в селе Никольском в 1753 году, как то видно из церковной летописи, и к ней приписаны все окрестности до Бугульчан включительно. В церкви находится Евангелие, напечатанное при императрице

Елизавете Петровне. ...В селе Никольском в церкви святителя Николая Чудотворца иконы писаны дедом моего отца Семёном Константиновичем Гнездовым, за что он от Ивана Лаврентьевича Тимашева, как уже раньше писала, получил земли от реки Средней Чебеньки до росоши сверху Ольхового ключа..., где при генеральном межевании оказалось 2000 десятин, и ещё... Ивана и его супругу Татьяну, и всё это за 50 рублей ассигнациями по купчей в 1768 году. Потом в церковь в селе Никольском ударила молния и повредила иконостас, и тогда уже генерал Егор Николаевич всё восстановил. В летописи церкви всё записано.

В Репьёвке церковь построенная тоже помещиками. В Тутустемире церковь строил г-н Звенигородский. Я помню, говорили, что там есть икона Марии Магдалины, писанная, вероятно, хорошим художником.

В селе Мансурово, иначе Спасском, церковь строена г-н Мансуровыми. Мужского поколения не осталось. Последний, генерал Николай Александрович Мансуров, был в походах 1812 года, при взятии Парижа и в 1855 году вступил в оренбургское ополчение дружинным начальником. Он и раньше бывал у отца, а тут в Оренбурге я видала его в ополченческом мундире. Сколько раз после войны он был

в Париже, не знаю, но в последний раз он хотел поехать показать Париж Николаю Ивановичу Соколову, но доехали только до Москвы.

В Гнездовке строил церковь во имя Михаила Архангела мой отец за свой счёт, как уже раньше писала всё подробно, что он сделал для церкви.

Какой он был любящий сын, видно из того, что раньше он говорил, чтобы похоронили его около матери на старом кладбище посредине деревни, а когда выстроили церковь, приказывал похоронить его около церкви и прах его матери перенести и похоронить с детьми рядом, что и было исполнено. Мать моя подала прошение, ей разрешили, и после 27 лет бабушку перенесли к церкви..., но оставался один только прах. Наш бывший лакей Николай Сорокин сделал небольшой гробик, и всё смёл крылом, и уложил в гроб.

Другой случай его заботы о бабушке такой. Она любила сама на бахчах собирать огурцы, а отец отстранял листья и вдруг видит — змея обвилась у корня. Не желая пугать бабушку, он сейчас же закрыл листья и говорит: «Тут, матушка, нет огурцов».

А между тем, когда после 9 или 12 лет отсутствия вернулся в штатском платье домой, говорит, что видел её сына, он кланяется, здоров. Но сердце матери

— вешун, ей кажется, что это её сын, но боится сказать. Выйдя в девичью, говорит: «Посмотрите, дитё 13 лет, а теперь совсем мужчина». Как она не могла узнать его? На правой щеке осталась ямка от пули. Когда прислуга рассказывала этот случай, мне всегда было жаль старушку. Прислуга любила её за доброту. Я часто говорила отцу: «Как у вас доставало духу так мучить бабушку?» «Пусть, — говорит, — чтоб узнала сама».

Я, кажется, писала, что когда, должно быть в 20-м или в 30-м годах, было движение крестьян, и моя сказочница Алёнушка рассказывала, что была она на жнитье, это уже когда дворовым давали осьминник пшеницы, и несмотря на то, что она была горничная, умела шить, вышивать крестиком, гладью по тюлю, кружево плести (всем этим премудростям она меня учила), — она сама жала. И вдруг едут на тройках крестьяне в красных рубашках, остановились и говорят: «Бросай работу, поедем с нами или зови своих. Теперь воля, мы едем на вольные места, где молочные реки и кисельные берега». И, говорит, прибежала домой, залезла на чердак всё обдумать: и на волю хочется, чтоб дочь была вольной, и барыню оставить жаль; пошла к ней и говорю, что видела, а барыня говорит: «Не верь, это злые люди смущают крестьян, их вернут и

накажут». Из нашего хутора никто не пошёл, а тех действительно вернули и наказали. Её дочь Наташа была моей няней. В 1854 году отец отпустил её на волю и дал 150 рублей серебром на обустройство. Алёнушке я дала волю в 1860 году, как отец скончался, по дому же она за ним ходила.

Теперь расскажу, как потеряла за мирской хлеб, когда в 1863 году сделался неурожай и вспомнили (про) мирской хлеб. Я говорю мужу (о записях?) отца, а тот, как формалист, ищет шнурованные книги и не нашёл, что нужно. После смерти отца мы уехали в Верхнеуральск. Мать осталась одна. Дворовые, видя её незнание (при отце до неё ничто не касалось), начали просить взаём и брали каждый человек по 30 пудов, крестьяне тоже. Она, кажется, даже им позволила там хозяйничать, хотя там был (общественный?) хлеб. И вот мировой посредник Циолковский делает постановление, что хлеб растрочен, и я должна его засыпать. Пока муж был жив, не моё было дело, а как муж умер, я отыскала расход хлеба, где было рукой отца записано, что 1000 пудов ржи продал и внёс за крестьян подушные, кому из крестьян было дано взаём, а по (?) сколько крестьян овса и пшеницы уже без него. Когда приехал исправник Чернов, я показала ему расписки, и он опросил крестьян. Они показали, что

действительно хлеб брали... И когда исправник Чернов доложил кому следует, что я совсем не должна сыпать общественный хлеб, потому что крестьяне сами ему сказали, что хлеб взяли, на это ему сказали: «Это не ваше дело. Базилева богата, пусть засыпает». Как вам кажется, это справедливо или нет?

Крестьянин деревни Егоровки Тимофей Попков спросил меня, какой хлеб я с них спрашиваю, потому что по конторским книгам я просила их самих засыпать только, говорю, общественный, который брали. Ну, а как то, что мы сеяли и (?) барина Петра Егоровича всей деревней, то у нас и волос на голове не хватило бы за то заплатить.

И вот началось мученье — искать, (где) закупить хлеб. Поехала в Дедово, там обещали продать пшеницу по 30 копеек пуд. Послала в город заложить билет в 500 руб. Привезли деньги, послала в Дедово взять хлеб, уже просят 35 копеек за пуд, посланный не купил. Значит, хлеба нет, а деньги я истратила. Крестьяне деревни Егоровки рожь жали, овёс засыпали сами в счёт (?) денег, а гнездовские приехали брать хлеб, говорят: «Я не беру — нехорош». Забывая, что выросли на нашем хлебе, да уже и давно общественный получили. Егоровские старики это помнили и предлагали мне овса взаём для гнездовских; выборные смотрели, говорили, что хорош, а потом не принесли... Чтобы понудить

меня засыпать хлеб, который я не должна, у меня удерживали из арендных и усадебных денег. И тут при окончательном расчёте не разыскали и недодали мне 100 руб. Вероятно, тоже потому, что «Базилева богата». За надел земли нам выдали... 5 % билетами и выкупными свидетельствами, но при этом объявили, что по номинальной цене их не будут принимать.

И вот началось разорение помещиков. Необходимо разменять билет в 1000 руб., а за него дают 700 рублей. Если бы отец не дал мне в приданое 15000 руб. (да) за крестьянские наделы получили 19000 руб., то давно бы мои земли тоже, как и другие земли, ушли бы в другие руки. Народу много, земли никому не нужно. Под выгон скота на лето 30 руб. серебром, залежей 600 десятин, да ещё, когда луга скосят, 600 десятин, там пасти. А пить-есть, одеться нужно и прислуге платить, и мои билеты также по 700 руб. пошли. А тут ещё в казначейство за мою, что осталась от надела 3008 десятин, да за ту, что отец за надел дал 4111 десятин, говорил, что это одна и та же при селе Гнездовке и деревне Егоровке. Не плачу — пишут пени, и приставы удерживают по 300 рублей. Приходилось платить пени. Две бумаги, как доказательство моих слов, передала г-ну секретарю Учёной архивной комиссии.

Двоюродный брат отца и сподвижник его походов Лев

Васильевич Соколов из хутора Гнездовки каким-то образом женился на княжне Анне Александровне Путятиной (одна её купчая находится в архивной комиссии). Когда стало известно, что Лев Васильевич едет домой, в доме начался переполох и совещание, как принять и встретить урождённую княжну. Начали смотреть иконы: на Божией Матери риза оказалась серебряною, а на образе св. Николая Чудотворца — золочёная. В каждом помещицком доме жили родственницы, и вот советуют Екатерине Семёновне, урождённой Гнездовой, переменить ризы для парада. Она не согласилась. Когда (же) молодые приехали, ей подали икону, и она благословила их, а (уже) после увидела, что на иконе Божией Матери всё-таки золотая риза, но только с Николая Чудотворца.

Майор Лев Васильевич Соколов родился 10 февраля 1791 года, скончался 11 августа 1837 года. Его бабушка по отцу, капитанша Агрипина Васильевна Соколова умерла в 70 лет в 1799 году. Майор Косьма Саввич Ивасенко — 10 мая 1860 года; друг отца, как сказано, скоро пошёл

за ним. (И) все похоронены на старом кладбище в селе Гнездовка. Там же похоронена и супруга основателя Анна Ивановна Гнездова, а Семён Константинович Гнездов скончался в 1774 году 17 сентября и похоронен в Орске... На 10-й странице переписана вся переписка генерал-майора Егора Николаевича Тимашева, ещё что найду — доставлю. На обороте 12-й и 13-й страниц — купли крестьян, переписка, портреты артистов, что были привезены из Франции, при журнале..., который выписывала в 1858, 1859, 1860, 1861 гг., модные картинки разных годов.

Всё, что записано, — совершенная правда.

Член архивной комиссии, вдова майора Вера Петровна Базилева родилась 10 сентября 1840 года. Писала в городе Оренбурге в марте 1911 года.

Забыла записать: на войну 1854 года отец поставил 4 рекрута, 6 ополченцев, и все за свой счёт (как будто тысячу рублей серебром).

Когда не было у нас церкви, всегда привозил облачения в село Никольское и Пречистенку, а в 1842 году он да сестра его Анна Егоровна купили колокола.*

*Источники: РГИА. Фонд 1687. Опись 1. Дело 247. Б/д